

МАСТЕРА ИСКУССТВ БАШКИРИИ

ВРЕМЯ И АРТИСТ

Один из основных законов эстетики гласит: стиль искусства зависит от изображаемого в нем типа исторического человека. Это правило ярче всего проявляется в театре, в искусстве актера. Выходя на сцену, он вкладывает в образ сумму размышлений, чувств и ощущений своего современника.

Он и не может иначе. Время, эпоха, конкретная практика человеческого общежития лепят поколение, и артист, какую бы личину он ни надевал, не может выпасть из своей среды, не зачеркнув своего творчества. И трижды счастлив тот художник, который не только чувствует контакт с эпохой, а и воспитывает в себе острый слух, особенную зоркость к переменам в жизни.

Это счастье выпало выдающемуся башкирскому актеру, народному артисту СССР, депутату и орденноносцу А. К. Мубарякову, которому исполнилось завтра шестьдесят лет.

Но Арслан Мубаряков не только актер... Недавно, через много лет после первой постановки, Башкирский академический театр восстановил на своей сцене его спектакль «Асыл яр» по мелодраме Мирхайдара Файзи — спектакль, знакомящий новое поколение зрителей с режиссерским искусством Мубарякова. Нет, режиссура не стала для него ни профессией, ни привычным увлечением, хотя он поставил более двух десятков спектаклей, а в конце тридцатых годов, снимаясь в фильме Я. Протазанова «Салават Юлаев», занимался параллельно на курсах режиссуры. К ней приводил его сначала долг руководителя созданного в начале тридцатых годов Второго башкирского государственного театра, затем — обязанности главного режиссера, которым он был несколько лет в академическом театре. Да и сейчас он то и дело обращается к режиссуре в передвижных и народных театрах, утоляя ненасытную жажду творческой деятельности.

И все же «Асыл яр» среди его постановок занимает особенное место. Даже строгая, умная драма Мустая Карима «Одинокая береза», поставленная А. Мубаряковым совместно с режиссером Р. Файзи и представленная москвичам в 1955 году во время декады, не сохранилась в репертуаре. А «Асыл яр» живет и здравствует и покоряет изысканством и неожиданным отзвуком очаровательной сказки, в которой добро обязательно побеждает, а глупость и недоброта терпят сокрушительное поражение.

Спектакль Мубарякова сохраняет все трогательные попевки мелодрамы. Все коллизии, сама немудреная фабула со счастливейшим концом, присущий жанру, и рассказывающая о том, как был обманут тщеславный купчишка, питавший надежду выдать дочь за богача, излагаются подробно, без иносказаний.

Но сквозь тривиальную оболочку прорывается озорная ликующая улыбка режиссера, посмеивающегося над устаревшим вариантом любовной истории. Постановщик прекрасно понимает, что элемент социального гнева, заключенного в пьесе, не может соперничать ни с сатирой Щедрина, ни с сарказмом Маяковского. В ней трудно найти иллюстраций к истории классовых столкновений. Тем не менее, почему б не посмеяться вволю и с сознанием собственного превосходства над тупостью и нелепостью быта, опрокинутого революционной историей? Мубаряков так и делает. И его спектакль обнажает мечту о лучшем образе жизни, достойной лишь тех, в ком никогда не ослабевает воля к нравственному совершенству.

Можно долго перечислять увлечения и крайности, на какие способен эта одаренная неиссякаемой энергией натура. Но, говоря о побочных интересах Арслана Мубарякова, нельзя не коснуться его литературных опытов. Он написал массу статей и три пьесы.

Две из них оказались в хронике башкирской драматургии двумя глотками воды, ничуть не утолившими хронической жажды, но позволявшими театру перебиться в пе-

риоды репертуарной засухи. Однако третья в свое время вызвала подлинный интерес критики и отчаянные споры.

В определенном смысле Мубаряков-драматург перенес в свою пьесу «Вторая молодость» ощущения Мубарякова-актера, исполнявшего роль твердолобого Ярлыкапова в драме Мустая Карима «Неспетая песня». Состояние остановившейся стрелки часов в потоке непрерывного движения времени. Дерзкое недоуме-

роли. Но целью, надеждой и «коньком» Арслана Мубарякова был, прежде всего, героический характер. Как Отелло. Как Карагул или Салават. Как Давыдов или Вершинин.

С особым пристрастием актер выявляет героическое начало в образах современников, отмечая домыслы о дегероизации искусства. Последнее у него порой выливается в открытую и гневную дискуссию, как, например, в спектакле по драме башкир-

вопрос, когда нам довелось работать вместе над общей статьей.

— Что же, Отелло глуп? — рассердился он.

Мечта о совершенном человеке, влюбленность в наш обновляющийся мир, мысль об ответственности людей перед людьми характеризуют философию искусства Арслана Мубарякова в ее узловых моментах. Ими определяется целостность, органичность его творчества, воспеваящего, прежде всего человека-борца, бунтаря и подвижника, вожака и агитатора, сознающего как свой долг перед народом, так и свое призвание быть пионером и застрельщиком.

Существует рассказ об одном эпизоде из детских лет Мубарякова.

Он рано остался без родителей, и в первый же год революции его приютил детский дом, расположенный в нынешнем Белорецком районе. Отчаявшемуся от голода и одиночества ребенку скромный детдом оказался раем на земле, охваченной огнем. Детский ум еще не воспринимал сложных формул: «Советская власть», «гражданская война». И он спросил: — Кто дает нам хлеб?

— Ленин, — последовал ответ.

— Всем нам?

— И вам, и еще тысячам маленьких детей, которых буржуа, бай хотели уморить голодом.

Эта была первая заповедь новой жизни, преподанная сыну плотогона. С каждым новым днем он лучше узнавал мир, щедро предлагавший себя мальчишке. Но сознание проснулось в нем со словом «Ленин».

Как человек он был выпестован Советской властью, как художник он был обязан революцией всем. И могла ли другая тема звучать в его творчестве сильнее, чем та, которая составляет собственную жизнь коммуниста Мубарякова!..

С этими гордыми ощущениями и пришел он к образу В. И. Ленина в двух спектаклях, воссоздающих облик великого вождя — «Человек с ружьем» и «Третьей патристической». Для него это было одно произведение, две части которого разделены долгими годами размышлений.

Думалось много и трудно... Часто исполнитель бывает озадачен больше всего целью добиться гипнотизирующего внешнего сходства, оставив более крупные обязательности искусства перед подвигом вождя на долю интуиции. Мубарякову не грозили подобные страхи; он подозревал, что точный рисунок Николая Жукова не перенести на его широкое лицо. Его путь в духовный мир образа с самого начала был определен целью раскрыть внутреннюю гармонию характера и величие ума Ленина. И если революционный романтизм всегда пламенил в его творчестве, то здесь актер искал единства могучего энтузиазма с суровой логикой знания.

Все его поиски могли обрести характер поиска некоего символа, если б не та звонкая память; с детства хранившая образ самой доброты и человечности, вошедший в сердце со словом «Ленин». Арслан Мубаряков не играл, не лепил заботливой рукой любимый образ, — человек рассказывал людям о своей восхищенной любви к отцу, даровавшему ему жизнь...

Громадна творческая амплитуда Мубарякова. Но, восхищаясь масштабами и многогранностью его искусства, всматриваясь в бесчисленный ряд созданных им образов, постигаешь главную особенность его ума и дарования — природу бойца. Он накрепко запомнил первую заповедь диалектического сознания: «Жизнь есть борьба». С непосредственностью подлинного реалиста он видит в искусстве не копию или сколок, а ту же жизнь, насыщенную трагическими противоречиями, беззаветной борьбой. И он кидается в ее стихий, поражая свидетеля неистребимой жаждой испытать духовную мощь человека в грозовой схватке. Такова его, Арслана Мубарякова, природа.

С. САИТОВ.

нии сильной личности, полагающей, что может зажечь сигарету от солнца, но не сумевшей даже чиркнуть спичкой... Речь идет о смещенном председателе колхоза, который совершенно не в состоянии понять, что жизненные процессы, определенные XX съездом партии, необратимы, и которому ничего не остается делать, как умереть от токсического запоя.

Что ж, объект, достойный художнического внимания. Но психологический парадокс заключался в том, что симпатии автора раздвоились. Он решительно осуждал, не мог простить, как и любой из нас, бывшего упрямства своего героя, его отчаянных и тщетных усилий притормозить бег жизни. И в то же время — горько оплакивал искоркающую, изломанную судьбу могучего человека, столь дико, нелепо кинувшегося на пути, чтобы погибнуть бесславно и одиноко в тупой и обреченной попытке остановить стремительное движение победного локomotива.

Арслан Мубаряков с пером в руках попытался вычертить силуэт антигероя, чтоб в ходе размышлений от противного раскрыть свою мечту об идеальном герое, подлинном герое наших дней, который и занимает все его мысли, чувства, воображение и которому он посвятил свою жизнь.

Арслан Мубаряков совершенно не оригинален в своей актерской биографии. Тот, кто расскажет о внутреннем методе его работы, опишет тип советского артиста. Хроника его творческой жизни — лучшие страницы истории башкирского театра, те страницы, на которых запечатлелась заветная мечта быть театром, фиксирующим шаг за шагом героические деяния родного народа, воплощающим его волю к подвижничеству, к трудовому и воинскому подвигу.

В послужном списке артиста значатся имена персонажей Пушкина, Островского, Шекспира, Чехова, Толстого, Горького. Он играл чуть ли не в каждой пьесе башкирских драматургов. Через его руки прошли золотая библиотека русской советской драматургии и пьесы писателей других братских народов. Критика, замороженная мощью темперамента, силой его страсти и вдохновения, принимала безоговорочно почти все его

ского писателя А. Атнабаева «Он вернулся».

Любопытная эта пьеса... Если иному человеку свойственно питать неуверенность, даже робость перед лицом своих надежд и страшного дня, то именно персонажи драмы «Он вернулся» страшатся обещаний. Автор обходится с ними чересчур сурово, особенно с главным героем — Тимербулатом. Солдат, узник фашистского лагеря, он возвращается через многие годы на Родину из «свободного мира» на деньги, вырученные от продажи собственного глаза.

Но дома его ждут большие испытания: мать умирает, жена давно вышла замуж за другого, дети остаются с ней. И автор заставляет своих героев думать о жизни с покорной рассеянностью. Тимербулат неожиданно для читателя теряет свою напористость, ведущую его через моря и границы на Родину, и ищет утешения в бюро труда по найму.

Подлинную жизнь Тимербулата, достойного уважения, Мубаряков открывает полемизируя с пессимистическими интонациями текста. С мужской любовью к своему герою, актер вскрывает ту мощь природы, которая заключена в неуязвимом протесте против любого и всякого ущемления мечты человека о счастье. Со здоровым народным чутьем он рассматривает не замысловатые формулы интриги, а само человеческое поведение — становление опыта сердца, открытого добру и правде. Свою любимую тему — тему гордой творческой личности он выпевает с той же звонкой страстью, какая пленила Якова Протазанова, когда режиссер увидел в Мубарякове легендарного Салавата.

Искусство высокого напряжения духа, одержимое искусство Мубарякова рождается на перекрещении ясных идеологических целей с инстинктивным благоволением человеческой природы ко всему светлому. Он очень консервативен в своих пристрастиях. Во всяком случае, органичное переживание он ставит выше педантичного анализа, и его не смущает подвижной формулой, что время постоянно обновляет свои требования к искусству.

— А как насчет интеллектуальности сегодняшнего театра? — позволил я себе осторожность, задав ему этот